

РАЗДЕЛ II

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ

Дискурсивный контент-анализ. Факторы инструментального конструирования*

В. Г. Погорецкий

Современный контент-анализ является привлекательным средством анализа речевой информации в самых разных ее аспектах, поэтому его инструментарий постоянно развивается, предлагаются все новые концептуальные и конструктивные решения. Поле «законной» сферы его применения явно увеличивается. Авторами исследования культурных индикаторов [1] проблема правомочности использования контент-анализа ставится не просто широко, а предлагается в качестве эффективной альтернативы экономических индикаторов оценки уровней, стадий, динамики, поступательности или цикличности социокультурного развития.

Всегда считалось, и этот тезис не подвергается сомнению, что уровень экономического развития является основой и предоставляет ресурсы для социальной сферы, уровня развития культурных институтов, масштабов, интенсивности, разнообразия духовного производства, духовной жизни, интеллектуальной деятельности; их качества, потенций продуктивности. Но в то же время отмечается, что рост, интенсификация и концентрация производства обедняют среду жизнедеятельности, ограничивают социальный выбор, программируют шаблонное социальное поведение, не стимулируют мотивацию. Такие исследователи, как Шпенглер, Сорokin, Хайдеггер, Камю, многократно обращались к этой проблематике. То, что эти мыслители представляли в виде ряда красноречивых примеров,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02–03–18007а).

концептуально оформленных свидетельств, демонстрации фактических подтверждений собственным теоретическим убеждениям, современные исследователи хотят видеть в форме культурных системно-динамических трендов, сопоставимых с трендами экономических эволюций. Подобная позиция ко многому обязывает, и в ее обоснование выдвигаются достаточно серьезные аргументы, которые не следует игнорировать.

В первую очередь, это то, что временные ряды экономических показателей не могут быть признаны объективным отражением состояния материальной жизни общества за длительный период, поскольку в течение двадцати лет условия производства меняются настолько, что одни и те же показатели принимают иной смысл, утрачивают свойство возможности прямого сопоставления с теми же показателями двадцатилетней давности в условиях строгого количественного анализа.

Компенсация недостатков временных рядов отчасти может быть осуществлена за счет кросс-группового анализа, который является их опосредованной имитацией. Подобрать группы экономических общностей, которые можно было бы корректно рассматривать в качестве стадий экономического развития достаточно сложно, хотя метод имеет достаточно успешные результаты своего применения. Набор количественных показателей, характеризующих результаты социального и культурного развития, узок и, если этот набор позволяет выявлять критические точки и принимать по значениям индикаторов решения, осуществлять компенсирующие воздействия, то скорее данная практика эффективна для кризисных ситуаций, но не для перспективного социального менеджмента, прогностического развития социальных состояний, взвешенного учета многополярных потенций, оценки внутренних энергий, которые задают обществу неожиданные перспективы развития.

Такие альтернативные потенции имеются в обществе постоянно. (Тот же О. Шпенглер представляет их в изобилии.) И носят они исключительно характер культурных явлений. Не будем, однако, сосредотачиваться исключительно на Шпенглере. По мнению С. С. Аверинцева, его метод «совершенно не научен» [2, с. 35], а значит и описываемые им цивилизационные процессы могут характеризоваться совершенно иначе. Полярно противоположные оценки социокультурных явлений вполне типичны для социологии и культурологии. Метод контент-анализа как раз и призван, массифицируя и максимизируя регистрацию количественных, доступных объективной оценке факторов, преодолеть односторонность экономических оценок, раздвинуть диапазон и временные горизонты трендов и траекторий возможных сценариев социокультурной динамики. Но также как Аверинцев решительно отвергает подход Шпенглера, так же и в недрах контент-аналитического направления исследований взаимные упреки в тенденциозности, субъективности остаются привычны, потому

что практика анализа реальности, которая существует на сегодняшний день, дает к этому достаточно поводов.

Постоянная неудовлетворенность возможностями метода побуждает к поиску новых подходов, расширению ресурсов метода, предложению новых моделей и средств, среди которых находит свое место и дискурсивный контент-анализ. Возможность представить текст не как последовательность грамматических предложений, а как совокупность логических суждений и в таком качестве использовать для контент-аналитических квалификаций как раз и составляет суть дискурсивного контент-анализа.

Стремление совместно рассматривать риторику и логику исторически было характерно для античного и последующего ему европейского образования. А. Арно и К. Лансло заявляют, что речь (язык) «является одним из самых великих преимуществ человека, а посему весьма достойно овладеть этим преимуществом во всем совершенстве, на какое способен человек» [3, с. 70]. Характерно, что для них грамматика неразрывно связана с логикой. М. Фуко, обращаясь к теме выражения идей, указывает на то, что в течение перехода от средневековья к новому времени происходило изменение членения фразы с трехчленного к двучленному [4], то есть проблема совмещения логической и грамматической структур существовала, она осознавалась интеллектуальными кругами, не была достоянием некоторого индивидуального сознания, получала различные интерпретации и, наконец, решение ее в пользу двучленной структуры приобрело характер консенсуса.

Определение объектов, описание феноменов, характеристика проблем, дискуссии по поводу альтернативных квалификаций событий отчетливо осознаются как ряд общих и детализирующих конкретных определений, как системная совокупность понятий, исчерпывающе отражающих ту или иную реальность. Дискурс предстает и воспринимается как организованная целостность суждений. И поскольку объекты дискурса разнообразны, аспекты их интеллектуального освоения могут варьироваться до бесконечности, выяснение истоков когнитивного овладения объектами приобретает характер самых разнообразных тенденций, то позиции, по поводу трактовки дискурса как такового демонстрируют широчайший спектр мнений, но одно остается неизменным — в основе дискурса заключена структура суждения.

В современном языкознании грамматический и логический аспекты языка тесно связаны. Термины субъект, предикат, пропозициональность широко используются в синтаксическом анализе предложения. Коммуникативная функция языка тесно связана с функцией понятийной идентификации как средства мышления, при этом сообщение, вопрос, побуждение, оценка, квалификация, оформляются как тезис или ряд тезисов, состоящих из последовательностей субъектно-предикативных отношений понятий.

Авторы учебника «Современный русский язык» обращают внимание на логическую основу грамматических форм следующим образом: «...большая часть ученых отмечает двучленный характер мысли, выраженной в любом предложении (Выделено мной. — В. П.)». Но там же далее они указывают на сложность неоднозначность выделения в грамматической структуре субъекта и предиката: «...не всегда предмет мысли (речи) получает словесное выражение, да и сама мысль не всегда четко членится на два компонента» [5, с. 295]. Налицо трудность выделения субъектно-предикативной структуры дискурса даже в чисто теоретическом плане, на уровне неформализованных процедур мышления аналитика. Контент-анализ же должен задать чисто формальный алгоритм подобного расчленения предложения.

Немало сказано о тех трудностях, в силу которых в речевой текстовой коммуникации письменной и особенно устной выделение субъекта и предиката проблематично. Тем не менее, однако, почему же данный подход перспективен для контент-анализа?

Введение дополнительного классификационного принципа элементов текста, а именно отнесение выделяемых в нем категорий и индикаторов категорий к классу субъекта и ли классу предиката имеет принципиальный характер. Сам по себе факт дополнительного классификационного основания в контент-аналитическом исследовании автоматически увеличивает объем регистрируемой информации в результате измерения. Данные же классы позволяют оценить смысловой ранг той или иной категории, введенной исследователем, с точки зрения источника текста, субъекта информационального сообщения (то есть лица, участника речевой коммуникации, а не субъекта как элемента суждения), поместить и рассматривать категорию в смысловом контексте микроуровня — отдельной фразы, что особенно важно для объективации трактовок смыслов, приписываемых категориям автором текста, поскольку в анализе сохраняется вся смыслообразующая структура микроконтекста, среда его феноменологической лексической субстанции. Вводя принцип субъектно-предикативного основания классификации исследуемых категорий, мы полагаем значительно расширить аналитические возможности метода.

Исходный концептуальный принцип состоит в первоначальной идентификации субъекта и предиката отдельного элементарного предложения и, далее, групп слов, образующих группы субъекта и предиката. Уже это существенно расширяет возможности традиционной компьютерной версии контент-анализа, базирующегося на частотном анализе встречающихся в тексте слов и селекции фрагментов текста на основе поиска по ключевым словам и словосочетаниям.

Простое введение дополнительного классификационного принципа в частотный анализ словарного состава текста открывает дополнительные ресурсы варьирования исследовательских возможностей на уровне форми-

рования словарных консолидаций и их последующего смыслового осознания и интерпретации. Но, следует подчеркнуть, что в качестве классификационного признака использован базовый, основополагающий принцип логики, то есть использованный классификационный признак является универсальным и всеобщим, и он является смысловым признаком.

Введение смыслового принципа классификации слов элементарного предложения, «смыслового» не в общем смысле значения слов как носителей смысла, а смысла, заданного автором текста, или контекстуально связанного смысла слов создает принципиально новую возможность для метода контент-анализа социологического исследования.

Хотя классификационный признак идентификации членов элементарного предложения как субъекта и предиката суждения, а, затем, отнесения остальных членов этого предложения к группе субъекта или группе предиката имеет универсальный характер, наиболее продуктивной областью применения расширенной за счет данной классификационной возможности версии контент-анализа, по нашему мнению, является область дискурсивных текстов в отличие от области нарративных текстов.

Отдавая отчет в том, что чисто нарративный и чисто дискурсивный тексты являются только крайними формами общей языковой практики, мы признаем наличие нарративной и дискурсивной составляющей практически в любом тексте. Однако, поскольку целевая ориентация текстов бывает нарративная (повествовательная) или дискурсивная (цель — рассуждение) и поскольку нарративная и дискурсивная части присутствуют в каждом тексте в разном соотношении, то можно говорить о текстах нарративных и дискурсивных по преимуществу, соответственно называя их нарративными или дискурсивными. И с этой точки зрения, универсальный характер предложенного инструментария состоит не только в том, что субъект и предикат могут фиксироваться в предложении независимо от типа текста, но и в том, что дискурсивная составляющая может исследоваться в тексте «нарративном по преимуществу» совершенно также как в «дискурсивном по преимуществу».

Принципиально новая возможность контент-анализа контекстуально связанных смыслов слов и словосочетаний изменяет соотношение смысла, вкладываемого в текст субъектом текста, автором, и смыслом, приписываемым тексту, интерпретатором текста (исследователем). Если прежде, при применении обычной формы компьютерного контент-анализа, смысловая интерпретация исследователя имела статус единственно возможной с уровня отдельного слова или словосочетания, то теперь становится возможным фиксирование программой авторского смысла в пределах контекста, что чрезвычайно важно для оценки авторского смысла, как смысла, имеющего феноменологическую природу.

Учитывая же исключительную роль дискурса в культурной истории и текущем совокупном культурном процессе, возможность его анализа при

посредстве машинных программ путем выявления субъектно-предикативных связей в пределах контекста приобретает исключительно актуальный интерес для широкого круга задач интеллектуального порядка.

Обоснование принципа субъекта и предиката как отличного от принципа грамматики, несовпадение грамматического и логического, подлежащего и сказуемого, с одной стороны, и субъекта и предиката, с другой стороны, представляет серьезную проблему для аналитика в силу, в первую очередь, грамматических причин. Например, если субъект действия заключен в предложении по конструкции страдательного залога. Или в качестве примера возьмем предложение с суперобложки книги, презентующую ее содержание: «Историческая достоверность в сочетании с художественным вымыслом принесла роману огромную популярность». Что здесь субъект? «Историческая достоверность в сочетании с художественным вымыслом» или «роману»? Исходя из структуры предложения, следовало бы считать первое, исходя из контекста, второе. Это особая проблема, выходящая за рамки грамматики, лингвистическая проблема. Соответственно, она должна быть рассмотрена в рамках метода компьютерного контент-анализа, построенного на принципе выделения субъекта и предиката, как контент-анализа дискурсивного смысла, или (окончательно название) компьютерного дискурсивного контент-анализа.

Можно наблюдать предложения, которые содержат одновременно несколько смыслов, или переменение в течение текста двух контекстов. Фраза может быть связана одновременно с несколькими контекстами, содержать иносказания, апеллировать к совокупности различных ассоциаций. Сложносочиненное предложение, вообще, может быть соединено в единое предложение условно, чисто стилистически объединяя два различных суждения, где-то в общем замысле подчиняющихся общему смыслу, который при изолированном прочтении данного предложения вообще не явствует.

Предложение, фраза достаточно пластичны, чтобы следовать за прихотью ассоциаций потока сознания, тем не менее, они подчинены строгой логике изложения дискурсивного по существу текста и даже нарративного по существу текста с дискурсивными вкраплениями, но социально общекommunikативного по своей культурной функции. Поэтому квалификация значений слов в пределах предложения (контекстуально-связанных значений) в соответствии с типологическим принципом субъекта и предиката упрощает восприятие дискурсивного смысла предложения, то есть утверждения тождествования, или принадлежности субъекту свойств (воспринимаемых свойств-признаков). При этом возможны: а) логическая редукция (в результате редактирования) грамматического смысла (допускается, что смысловая сторона предложения, приведенного к форме суждения, упрощается и обедняется); и б) часть членов предложения может быть по воле субъекта анализа, оператора (его внутренней рациональной

мотивировке), отнесена либо к субъекту, либо к предикату, соответственно с ранжировкой степени значимости в группе субъекта и группе предиката, и, соответственно, возможности извлечения и последовательного восприятия с их включением или без в структуру логически редуцированного предложения, то есть допускается экспериментирование со смыслом (с акцентировкой восприятия смысла). Прочтение фразы с различной нюансировкой и смысловой акцентацией, возможно с последовательной экспликацией фрагментов фразы. Совершенно не исключено, что действительное усвоение смысла текста требует его многократного прочтения с различной степенью логического редуцирования, где, возможно, наиболее важную роль играет не интенсивность реферативного сокращения, путем последовательного включения автоматизированных стандартов реферирования, содержащихся в пакете программного обеспечения системы дискурсивного анализа, а мотивировочные основания принятия решений о реферативной редукции текста субъектом, ибо каждое решение это обоснование, исходя из текущего наличного представления о тексте и смысле текста в целом со стороны активного управляющего субъекта.

До сих пор мы говорили о несовпадении логического и грамматического как способов передачи смысла в плане логической редукции предложения (фразы). Действительно логика как наука генетически возникла как результат абстрагирования от языковых форм непосредственной передачи дискурсивных доводов, что уже языковой практики в целом. Редукция означает снижение смысла в плане многообразия ассоциаций ситуативно варьирования. Но есть и обратное движение в наращивании логического смысла субъектно-предикативного отношения за пределы предложения, когда субъект сохраняет собственную идентичность на протяжении нескольких предложений, предикативные признаки к нему последовательно присовокупляются, предписываются текстуальной последовательностью. То есть, если в пределах предложения имело место снижение смысла после его логической редукции, то при определении смысла субъекта после присоединения к нему некоторого числа признаков последовательно нескольких предложений, смысл его превосходит смысл, заключенный в пределах одного (первого) предложения. В этом, в частности, реализуется неравная значимость предложений в последовательности предложений, связанных с единым субъектом (Эта последовательность и есть контекст.). При этом контекст как последовательность, связанных с единым субъектом предложений может представлять один и тот же субъект разными словами или разной совокупностью слов, синонимами, паронимами, а также в рамках контекста осознаваемыми как тождественные заместителями (например, «кони», «они», «воронье»). Это представляет первоначальную лексическую трудность выделения субъекта в контексте. Сложность может состоять и в том, что субъект может быть передан группой слов (группа субъекта и группа предиката), слова, образующие предикат перво-

го предложения, логически квалифицируемого как суждение, становятся достоянием субъекта. В последующем предложении они уже рассматриваются как принадлежащие субъекту, а предикат поставляет новые свойства (признаки) восприятию приемника или адресата текста.

По-видимому, здесь возникает фундаментальная для структуры контекста проблема. Если свойства предиката, приписываемые им в суждении свойства, уже в следующем предложении принадлежат субъекту по умолчанию, то собственно субъектом следующего за этим последующим предложением может быть собственно слово или группа слов первого предложения, выражающие первоначально задаваемый субъект, или, напротив, свойство, приписанное собственно субъекту первого предложения в предикате второго предложения. Строго говоря, свойство, приписанное субъекту раньше или позже, принадлежит ему с равным основанием, но последующее (третье) предложение, его предикат, может принадлежать или первоначально высказанному субъекту (генеральному субъекту), или рассматривать в качестве субъекта (специфического субъекта) свойство, приписанное генеральному субъекту, в следующем за первым, последующем (втором), предложении. В результате возможны две разные структуры свойств генерального субъекта, субъекта тезиса: типа «шина», когда все определения, содержащиеся в последовательно сообщаемых предложениях (высказываниях) носят однопорядковый характер и непосредственно относятся к исходно заявленному субъекту и типа «ветвь», когда одно из определений, присовокупленных генеральному субъекту в последующем предложении, становится специальным субъектом позже, последующего (третьего), и ряд последующих признаков-предикатов имеют непосредственное отношение именно к этому промежуточному, специальному субъекту. Заметим, что когда мы говорим «ветвь», мы имеем в виду уровень порядка генерации, а не разветвленности, ветвь может не иметь отходящих, но она всегда, предполагает равноуровневый порядок. Понятно, что «ветвь» также как и «шина» метафорические определения типа отношения понятий и, возможно, в данном случае вместо «ветвь» более определенно выглядело столь же метафорическое определение «цепь» или последовательное сочленение звеньев цепи. Но этот образ «цепи», столь часто используемый, как правило, ассоциируется с казуальной последовательностью событий, и мы предпочитаем в связи с образом «ветвь» видеть последовательность генерации предикативных определений. В целом же структура сочетания «шины» и «ветви» создает индивидуальную структуру разветвления с «боковыми» и «магистральными».

Иными словами, структура совокупности предложений может быть усложнена в силу того, что последующая фраза может рассматривать не весь совокупный субъект (то есть заявленный первоначально с присовокуплением к нему свойств, содержащихся в предикате или предикатах последующих предложений и фраз), а одно из свойств-признаков, заяв-

ленных в предыдущих предикатах и приобретших затем статус субъекта. В этом случае структура субъекта усложняется, приобретает черты ветвления (в смысле «разветвления»), а в еще более сложном случае «сети».

Идентификация субъектно-предикативных структур строится на основе формальных грамматических признаков слов и предложений. Программа идентификации элементов и частей текстов может состоять из блоков разного уровня определенности.

Определение слов по частям речи; родам, числам, падежам (для существительных, прилагательных, местоимений), наклонения, залога, склонения, времени, рода, числа, лица и т. п. (для глаголов); времени, рода, числа (причастий); времени (деепричастий). Дополнительно может фиксироваться еще ряд формальных параметров. Определение слов в данном блоке возможно с максимальной степенью определенности. (Эта определенность могла бы быть абсолютной, если бы словарь, на который опирается идентификация, был исчерпывающим.)

Там где есть идентификация, там возможна и статистика. Слова, а затем и грамматические единицы, группы слов (словоформ) в пределах фрагмента текста или всего текста в целом, выделенные по любому из заложенных в программу признаков, или по любой совокупности признаков могут быть подсчитаны, результаты сводимы в таблицу и графически отображаемы. Графическое отображение предполагает кроме прочего отображение и частоты встречаемости слов (словоформ), грамматических единиц, на протяжении фрагмента текста или текста в целом.

На этой основе возможно определение субъекта и предиката в простом предложении, группы субъекта и предиката, осуществление логической редукции семиотического смысла предложения. При определении структуры группы субъекта и группы предиката возможно выделение логически обоснованной последовательности относящихся к данной группе слов, или их иерархия в пределах группы, формальное определение значимости данного слова, его вес в информационной значимости группы. Последнее может являться основанием для редукции предложения и фразы путем удаления из нее слов с низким весом значимости, автоматического (по команде оператора — субъекта анализа текста), или на основании субъективно рационально или мотивационно сформулированных доводов оператора-субъекта. В дальнейшем, критерии определения веса слова в контексте группы субъекта и группы предиката могут формироваться на основании смысла контекстов более высокого порядка анализируемого текста и/или контекстов, определяемых (субъектом или автоматически) как аналогичные исследуемому, содержащихся в «базе данных тематической общности» или «базе данных истории исследования» или «исследовательской истории субъекта исследования».

Возможно определение субъекта и предиката, относящихся к фрагменту, контексту, тезису, иерархическому контексту, тексту (целостно-

му тексту), исходя из информации, непосредственно заключающейся в тексте. Точнее говорить о группе субъекта и предиката, поскольку на уровне фрагмента и субъект и предикат, скорее всего, состоят из группы слов, а если вместо группы при повторении начинает употребляться одно «коренное» слово, обозначающее субъект в целом, то это языковая знаковая аббревиатура.

Вся предыдущая формальная идентификация элементов текста позволяет перейти к определению структуры группы совокупного субъекта и группы совокупного предиката (условно говоря, «логистической» структуры текста), что предполагает анализ эволюции словесного состава групп субъекта и предиката на протяжении контекста. Данному термину «логистический» в современной индустриальной практике приписывается узкофункциональное, технологическое значение. Он ангажирован конкретной прикладной областью рационализации совокупности действий [6]. Здесь под «логистикой» понимается не система рационализации комплектования и доставки многономенклатурных поставок некоторому числу адресатов, а набор, последовательность и совокупная организация доводов (аргументов), которые автор текста приводит и считает достаточными для обоснования утверждаемого им тезиса. Поскольку дискурсивный текст может заключать в себе совокупность тезисов и предполагает их целерациональную организацию для обоснования центральной идеи текста (общего тезиса), то эта структура образует общую логику дискурсивного текста, в которой в зависимости от характера материала (объекта описания текста), а также субъективных предпочтений автора в большей или меньшей степени выражены последовательный принцип обоснования (цепи причин) тезиса (центральной идеи) или параллельный (конstellации набора причинных факторов или совокупности необходимых и достаточных условий).

В нашей системе семиотического мы придаем термину «логистика» смысл общерационально значимого. Он имеет смысл обоснования, исходящего из природы описываемого объекта, является носителем достижения субъективной уверенности в достаточности обоснования путем подбора и организации доводов, что является главной характеристикой культуры рационального мышления, но не тождественной ни дедуктивному, ни индуктивному логическому выводу формальной логики, поскольку заключает в себе качественный анализ, выбор доводов из неограниченного и неопределенного их множества, генерацию доводов. Он передает через совокупность рациональных понятий осознание автором (субъектом сознания) объекта или субъективный образ объекта.

В конечном счете, это делает возможным определение статуса семиотических структур совокупных текстов, группирующихся вокруг фундаментальных проблем выбора или объектов дискуссионной идентификации и выбора.

Роль субъекта исследования, оператора, при этом на всех стадиях или меньше или больше и начинается с субъективного решения нерешаемой программой идентификации или коррекции программных решений. Эта языковая логическая деятельность между игрой и подлинностью, в отличие от чистой игры, в ней на уровне здравого смысла или концептуальных убеждений исследователя решается содержательная задача. В нашем случае решается еще и формальная задача структуры или логистически организованного и логистически оцененного и взвешенного смысла.

Предпринимаемое исследование в качестве своей основной цели и предполагает оценивание качества культуры рационального мышления, социально принимаемое как удовлетворительное и достаточное по конкретным образцам этой культуры, заключенной в тематически различных дискурсивных текстах, принадлежащих к текущей и прошлой социальной культуре общества.

Степень компьютеризации подобного анализа представляется весьма неопределенной. Но совершенно очевидно, что первоначальные стадии такого анализа могут быть успешно и с высокой степенью достоверности реализованы, а на последующих, представлять достаточно мощный инструментарий поддержки рационалистического анализа исследователя.

В названии данной статьи «Дискурсивный контент-анализ...» слова «компьютерный» опущено намеренно, поскольку любой современный метод контент-анализа не может осуществляться вне использования информационных технологий, вне обработки текста средствами вычислительной техники, путем применения специально организованных и подготовленных программ или специализированно адаптированных функций стандартных полифункциональных ресурсов программного обеспечения.

Докомпьютерный контент-анализ представляет только ряд стадий или этапов развития метода, и его фрагменты включаются в современную технологию в качестве фаз, отдельных технологических приемов, или некоторых принципов. К. Леви-Строс, применявший структурный анализ как к антропологии, так и к лингвистике, использовал метод двумерных таблиц для записи вариантов мифов [7, с. 195], что позволяло ему подвергнуть их «логическим операциям». Нетрудно видеть, что данные двумерные таблицы могут быть закодированы на специальных перфокартах, популярных для содержания архивов социологической информации [8] в период до широкого внедрения вычислительной техники. Метод этот универсален, но полностью вышел из употребления, хотя методы социологических типологий и классификаций сохраняются и развивают первоначально заложенные в них основы.

Классический контент-анализ рассматривается как один из методов анализа документов. При развитии метода границы между типом социологического исследования и собственно методом размываются. Технология и содержательный анализ становятся все более связанными.

Если рассматривать анализ документов с точки зрения контент-анализа, то можно выделить три крупных этапа. Поскольку содержательный аналитический метод описания социальных явлений, выявления проблем, их всестороннее рассмотрение и трактовка смысла их внутренней сущности является предтечей анализа документов, то, собственно, хрестоматийным примером первоначально оформленного как специфический метод рассматривается труд У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Отнесем сюда же в качестве примера, характеризующего данную стадию контент-анализа работы и технику анализа К. Леви-Стросом вариантов мифов. Эта стадия характеризуется и глубоким погружением исследователя непосредственно в фактуру первичных документов, формализацией содержательных элементов вернее, созданием структуры формализации документов непосредственно в ходе предметного анализа. Осознание проблем, выработка гипотез, общая структуризация материала, исходя из плана и замысла исследования и регистрация эмпирически фиксируемых референтов, как объективных данных, подтверждающих достоверность выводов, осуществляются непосредственно самим исследователем, весь процедурный аппарат сосредоточен в его индивидуальном сознании, организован его внутренним восприятием и пониманием проблемы.

Следующий этап — это, собственно, контент-анализ, уже обособившийся в качестве самостоятельного метода. На этом этапе объем первичных документов возрастает, процесс формализации содержащихся в них данных обособляется, процедура формализации строго регламентируется и в качестве рутинных функций передается техническому персоналу [9]. Таким образом, между исследователем и объектом возникает посредник. Точно также Л. Г. Морган изучает ирокезов непосредственно, а М. Мид пользовалась услугами информаторов [10, 11]. При этом возможны трудности, поскольку можно делегировать полномочия, но нельзя делегировать компетентность. Очевидно, что в связи с данным обстоятельством возникают деформации, которые осознаются и некоторым образом преодолеваются, но границы возможностей для данного этапа развития контент-анализа остаются.

Компьютерный контент-анализ возвращает исследователю непосредственный контакт с первичным материалом, но та формализация, которая производилась прежде кодировщиками, руководствовавшимися собственным языковым опытом, теперь должна осуществляться посредством алгоритмов автоматизированной идентификации элементов текста.

Преимущества машинной обработки текстов очевидны, но она прибавляет сложностей в реализации программ субъекту социологического анализа. С переходом к компьютерной стадии контент-анализа исследование, а тем более сама разработка метода становятся междисциплинарными. Междисциплинарность предполагает сотрудничество специалистов, но не сводится к простой кооперации усилий, она требует универсализма,

проникновения специалистами в смежные области. Поскольку же контент-анализ является прямой сферой деятельности социолога, то основную долю ответственности за успех междисциплинарной разработки несет именно он, и, следовательно, в сфере его непосредственного внимания оказываются лингвистические, семиотические, а в силу рациональной природы текстов и вся совокупность когнитивных подходов к анализу и формализации речевой информации и в числе прочих чисто технические аспекты реализации машинных алгоритмов ее идентификации и квалификации. Если вы, например, обнаружили, что длина совокупной записи в таблице популярной базы данных не может превышать 2 кбт, а параметры вашего текста превышают данный рубеж, то решение возникшей проблемы принадлежит социологу, а не тем техническим специалистам, в сотрудничестве с которыми решается содержательная задача. Здесь мы снова возвращаемся к проблеме компетентности. Компетентность не растворяется, идеи живут только в головах своих творцов, в сознании же других людей они превращаются в парадигмы.

Поэтому «демиург», творец всегда один. Конечно, масштабные проекты могут быть осуществлены только в коллективными усилиями, но в сфере интеллектуальной деятельности, там, где результатом является новое знание или средство получения нового знания, необходимость концентрации компетентности в индивидуальном сознании остается ключевым требованием. Профессиональная компетентность требует исчерпывающего знания предмета, но междисциплинарный характер задач делает выполнение требования исчерпывающей компетентности невозможным.

Помимо сотрудничества, которое очевидным образом необходимо, есть еще целый ряд подходов, позволяющих расширить сферу возможностей решения задач с необходимой полнотой. Для дискурсивного контент-анализа, который фактически ориентирован на создание логических моделей грамматических предложений это путь, предложенный системной динамикой. Идеология данного подхода базировалась на идее создания инструментария имитационного математического моделирования, достаточно упрощенного для того, чтобы он был непосредственно доступен специалистам широкого круга предметных профилей, с тем, чтобы они могли непосредственно создавать и исследовать поведение моделей, интересующих их процессов. Таким образом, сфера компетентности специалиста расширялась. Подход базировался на языке программирования «Динамо» [12–14]. Параллельно было осознано, что и метод «Затраты — выпуск» В. В. Леонтьева помимо анализа межотраслевого баланса, может выполнить роль средства моделирования не только экономических, но и социальных, экологических, организационных и других проблем [15]. Очевидно, что современные системы управления базами данных позволяют не только хранить информацию, извлекать ее в соответствии со специфически сформулированными запросами, но и воспроизводить

и моделировать логику различных системных процессов. Ресурсы управления базами данных представляют достаточно широкие возможности для конструирования контент-аналитических процедур, а управление базами данных из сферы специального профессионального знания становится компонентом общей интеллектуальной культуры.

Еще одним существенным обстоятельством достижения успеха в области решения задач междисциплинарного характера является пересмотр отношения между компетентностью как способностью успешно решать проблемы и степенью профессионального знания специалиста. Ироническая сентенция, что специалист «знает все ни о чем» является как бы констатацией того, что для каждой проблемы существует как бы свой порог специального знания, достижение которого достаточно для решения данной задачи, данного конкретного класса проблем. Этот рубеж находится на грани дилетант — специалист и является предметом многократного и детального обсуждения.

Следует определиться, почему для нас, занятых решением задачи создания компьютерной версии дискурсивного контент-анализа, то есть ориентированных на некоторое позитивное решение, оказывается актуальным рассмотрение ментальных, когнитивных аспектов, связанных с процессом интеллектуального созидания данной технической разработки. Язык та реальность, которая становится объектом инструментализованного, формализованного исследования посредством технического средства, некоторой информационной технологии, слишком подвижен, многообразен и противоречив, чтобы быть доступным для автоматизированного анализа, базирующегося на конечном числе формальных критериев селекции и типологизации.

Базовые основания языковой практики описываются с позиций диаметрально противоположных теоретических концепций и каждая строится на основании реальных фактов речевой коммуникации. Соответственно, метод контент-анализа, если он строится на основании некоторой фиксированной доктрины, очень быстро перестает быть эффективным средством анализа. Так же как в общей практике эмпирического социологического исследования ему постоянно нужны новые идеи. Поэтому анализ как результат всегда означает и анализ как эксперимент.

Практика применения инструментария есть повод для анализа возможностей этого инструментария. И здесь когнитивный аспект исследования совмещается с прагматическим аспектом. М. Вебер утверждает: «Попытка полностью переложить решение задачи на механическую подсобную силу не проходит безнаказанно: конечный результат часто оказывается мизерным. Но если у исследователя не возникает вполне конкретных идей о направлении его расчетов, а во время расчетов — о значении отдельных результатов, то не получится даже и этого мизерного итога» [16, с. 709]. Вебер говорит здесь об идеях по поводу

понимания сути социального процесса. Но для контент-анализа актуальны идеи и по поводу исследовательского аппарата, который постоянно должен адаптироваться к вариациям языковых реалий, или даже радикально меняться в силу методологической или эмпирической необходимости. И здесь возникает вопрос о «дилетантизме» как категории методологии. Говоря о необходимости идей, Вебер тут же реабилитирует дилетантизм. Если первоначально дилетантизм рассматривается как поверхностность анализа вследствие самонадеянности, то Вебер имеет в виду нечто другое. Он оправдывает право творческого энтузиазма на идею, не обладающего теоретическим исчерпывающим знанием об объекте. Он пишет: «Идея дилетанта с научной точки зрения может иметь такое или же даже большее значение, чем открытие специалиста. Как раз дилетантам мы обязаны многими нашими лучшими постановками проблем и многими познаниями» [16, с. 709]. Параллельно он ссылается на суждение Гельмгольца о Р. Майере, тоже в пользу права дилетанта на выдвижение идей. По сути дела это отвержение принципа скептицизма, который, будучи последовательным, отвергает всякое право на суждение. Разумеется, что для Вебера оправдание дилетантизма не является оправданием профанации.

В этом смысле характерно свидетельство П. Фейерабенда относительно того, что буквально: «Бор, Эйнштейн, Борн считали себя дилетантами и часто говорили об этом» [17, с. 499]. Мы не склонны считать подобные заявления великих физиков некоторым интеллектуальным кокетством, на самом деле подобная самооценка есть следствие методологического плюрализма, в среде которого и были сделаны открытия в физике в XX столетии. Методологический плюрализм, то реальное состояние интеллектуальной среды в физике, которое привело Фейерабенда к доктрине методологического анархизма [18, с. 125]. Проблема для эмпирика состоит не только в том, чтобы выбрать одну из возможных конкурирующих методологических концепций в качестве базы эмпирического исследования, но и в том, чтобы исчерпывающим образом оценить и усвоить ее смысл, то есть достичь того состояния исчерпывающей теоретической компетентности, которое позволило бы заявлять свое безусловное право на выдвижение идей, в том числе идей для обоснования физического эксперимента. Вот этого-то состояния, по своей собственной самооценке ни Бор, ни Борн, ни Эйнштейн не достигали и предпочитали называть себя дилетантами, то есть выдвигать идеи, которые могли бы быть оспорены, чем добиваться самосознания исчерпывающей теоретической компетентности, прежде чем выдвигать эти идеи. Данную проблему, но в терминах логики и интуиции обсуждает А. Пуанкаре в книге «Ценность науки» [19, с. 203–210].

Ситуация с контент-анализом в чем-то аналогична. Дискурсивная коммуникация становится объектом исследования лингвистики, социолингвистики, семиотики интенциональной логики, повсеместно исполь-

зуется понятийный аппарат субъектно-предикативных отношений формальной логики. Но при этом в рамках отдельных наук, исследовательских направлений рассматривается различная проблематика, используются различные подходы, которые могут быть продуктивно использованы и при разработке контент-анализа. Однако, обзреть их, компетентно осознать смысл их достижений, решить, что же собственно может быть с пользой ассимилировано, использовано по конкретным поводам в контент-анализе является задачей слишком грандиозной, чтобы надеяться на ее исчерпывающее решение, не говоря уже о том, что теоретические представления ученых, исповедующих разные взгляды, принадлежащих к разным научным школам, находятся в положении взаимоисключающей оппозиции.

В этих условиях разработчик контент-анализа может брать на себя ответственность выдвигать идеи, которые могут быть оспорены со стороны представителей всего спектра когнитивных дисциплин, возможно дискуссия с ними обнаружит решения проблем аналогичных, решаемым контент-анализом. Но разработчик не должен бояться упреков в дилетантизме из чисто практических соображений. Действительная реализация метода возможна только в обогащенной идеями среде. Также как Вебер говорит о необходимости идей при обработке статистических данных, так и в контент-анализе с огромным количеством некоторым образом квантифицированной информации идеи необходимы уже для того, чтобы оживлять бесконечный поток рутинных действий, который задает анализ текстов.

Конечно, под понятием идеи могут пониматься самые различные представления. Простая догадка, новая ассоциация, свежая мысль могут претендовать на роль идеи, тем более, что самые гениальные идеи впервые являются своим творцам именно в таком виде. Но есть идеи глобального плана, как у Платона — идеи блага, добра, красоты, справедливости, абсолютно независимые и совершенные. Если взять несколько меньший масштаб, то можно, например, сказать, что у конструктора Калашникова была одна идея, все остальное технические решения, но эта идея остается в своем классе конкурентоспособной уже в течение более полувека.

Понятие идеи слишком абстрактно. В контент-анализе уместно говорить о принципах идентификации и классификации элементов текста на основании формальных и смысловых критериев. Поскольку живой язык не сводим к некоторой одной схематике, то и количество таких критериев может постоянно увеличиваться. Вместе с тем, язык должен оставаться устойчивым и в известной степени консервативным, чтобы знаковая система оставалась эффективным средством коммуникации. Это дает основание полагать, что некоторое количество систематически организованных критериев идентификации и систематизации элементов текста может удовлетворительно решать эмпирические задачи контент-анализа. Но их число может возрастать, их система подвергаться пересмотру. И это является условием методологического осмысления аналитиком того

квантифицированного текстового материала, который проходит перед его сознанием в процессе эмпирического исследования. Это, если угодно, один из источников его творческого пафоса, который необходим в ходе длительной и монотонной работы с любым статистическим материалом. Но главное, основной источник совершенствования метода — рационализация и систематизации опыта, то есть опыта эмпирической практики, получаемой аналитиком в ходе конкретных социологических исследований.

Идеи такого развития метода могут быть сформулированы в виде принципов. Например, в качестве принципа может быть сформулирована идея неполной формальной идентификации элемента текста и компенсации неполной формальной квалификации смысловыми факторами текста. Так в грамматической системе предложения место существительного в формальной структуре фразы определяется падежом, но для единственного числа существительного мужского рода в винительном падеже еще и одушевленностью, то есть для некоторого класса существительных объективно для идентификации формальных признаков больше. Для прилагательных женского рода в единственном числе совпадают окончания родительного, дательного, творительного и предложного падежей — формальной информации для идентификации грамматического статуса меньше, чем для прилагательных мужского рода.

В другом классе идентификации слов, условно назовем его ложными синонимами, то есть классе слов, совпадающих по буквенному написанию, но различающимися местом ударного слога, присутствующих формально признаков недостаточно. Таких слов довольно много. Например: му́ка — мука́; худо́ба — худоба́ (скот крестьянского подворья. — *В. П.*); про́волочка — проволочка́; ве́дение — ведéние; све́дение — сведéние; це́ление — целéние; элэ́ктрик — элекتریк (цвет. — *В. П.*). Ударение в тексте практически не встречается, оно присутствует только в исключительных случаях, потому что в этом нет необходимости, поскольку смысловой аспект текста не оставляет места для двусмысленного истолкования, формальная идентификация оказывается избыточной, но для человека, а не для машинной идентификации. Но есть и противоположные примеры. В печатных текстах употребления буквы ё как правило избегают. В отдельных же случаях она появляется. Так в издании басен И. А. Крылова для школьников:

«... — и тот дурак,

Кто слушает людских всех врак:

Всё про Очки мне лишь налгали...» (выделено мной. — *В. П.*) [20, с. 39]. Здесь ритмический характер речи побуждает редактора употребить е, чтобы рельефнее отделить в восприятии читателя «всех» от «всё». Второе основание более веское. В зависимости от прочтения слова как «Все» или «Всё» меняется смысл фразы: или всё сказанное об очках — ложь, или все те люди, которые говорили о пользе очков, лгали. Но употребление ё

мотивировано лишь особым поводом, ниже по тексту «...невежда про нее свой толк все к худу клонит...» ё уже не пишется [Там же]. Очевидно, что для машинной идентификации ограничение формальной информации представляет проблему.

В то же время смысловой аспект текста может оказываться настолько информативен, что при явном формальном тождестве слов, значение их, исходя из контекста фразы, воспринимается как совершенно различное. Так, в одной версии известного эпизода из цикла о «Тристане и Изольде», в фразе:

«Не может благородной даме позволить честь, и суть, и стать

На грань одну с престолоюдинкой, еще и не помыслив, стать».

Здесь мы наблюдаем как бы нонсенс, для рифмуемой пары используется одно и то же слово. Но даже в той близости, которую создает ритмический текст, место в конце строки, функция рифмы, смысловое различие словоупотребления не дает основания для восприятия слов как тождественных. На самом деле здесь использован омоним. В первом случае «стать» — существительное, в данном контексте со значением внешнего выражения личностного достоинства, во втором, «стать» — глагол, со значением в текущем контексте «поравняться».

Мы продемонстрировали эффект компенсации формальной структуры смысловым фактором на нескольких простых примерах, во всей же полноте и многообразии он проявляется себя при организации структуры фразы. Осознано и систематизировано это многообразие может быть только в рамках эмпирической работы с большим объемом разнообразных текстов. Методологическая работа ложится на плечи эмпирика, и он вознаграждается тем, что рутинная деятельность для него перестает быть таковой. Но это только один пример, одной идеи-принципа, а практикующий контент-анализ социолог в своей эмпирической деятельности может их продуцировать столько, насколько ощущает в этом потребность.

Такая методологическая деятельность будет более продуктивной, если социолог не только может накапливать факторы контент-аналитических общностей, но и реально вводит их в структуры машинных контент-аналитических ресурсов. Если идеология системной динамики ориентировалась на возможность создавать имитационные модели специалистами-предметниками без знания ими дифференциального исчисления, то использование социологами средств моделирования формальной структуры текста на основе систем управления базами данных могло бы существенно развить метод, имеющий широкие перспективы использования в развивающемся информационном обществе. Но для этого управление базами данных должно стать фактом общей профессиональной культуры социологов. Данный путь нам представляется продуктивным, хотя и противопоставлять его традиционному способу разработки специализированных программ было бы неверно. Фиксация же результатов применения

локальных идей-принципов, на практике спровоцированных частными эмпирическими прецедентами и в результате подобного моделирования, может становится предметом междисциплинарного обсуждения, что позволило бы преодолеть ограниченность, неизбежно возникающую при узко прикладной ориентации метода.

Литература

1. *Weber R. Ph., Namemwirth J. Zvi.* Dynamics of Culture. London; Sydney; Wellington, 1993.
2. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.
3. *Арно А., Лансло К.* Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс. 1990.
4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
5. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. II. М.: Akademia, 2001.
6. *Родионов А. И.* Логистика: Терминологический словарь. М.: Инфра-М., 2000.
7. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1983.
8. Международный журнал социологических наук. 1995. Май. № 9.
9. Контент-анализ: методика и организация // 47 пятниц (вып. 5). М.: Ин-т конкретных социологических исследований, 1969.
10. *Морган Л. Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов. М.: Наука, 1983.
11. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
12. *Беркович Р. Н., Корявов П. П., Павловский Ю. Н., Сушков Б. Г.* Динамо — язык математического моделирования. Формальное описание. М.: ВЦ АН СССР, 1972.
13. *Достойнова Т. Е.* Некоторые вопросы системной динамики. Препринт. Ч. I. М.: ВНИИСИ, 1982.
14. *Достойнова Т. Е.* Язык «Динамо». Препринт. Ч. II. М.: ВНИИСИ, 1982.
15. *Леонтьев В. В.* Экономические эссе: Теории, исследования, факты, политика. М.: Политиздат, 1990.
16. *Вебер М.* Наука как призвание и как профессия // Вебер М. Избр. труды. М.: Прогресс, 1990.
17. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе // Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
18. *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
19. *Пуанкаре А.* Ценность науки // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990.
20. *Крылов И. А.* Басни. М.: Детская литература, 2003.